

СОФ АМАН

БОРДО

НОВЕЛЛА 2
"АВАРИЙНЫЙ ВЫХОД"

18+

Соф Аман

Аварийный выход

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70416529

SelfPub; 2024

Аннотация

Все учат нас балансировать над пропастью, правильно принимать поражение и начинать все с чистого листа. Вот только никто не рассказывает о том, что делать при отсутствии желания вставать на эту скользкую дорожку, заранее обреченную на провал. Героиня новеллы переживает тяжелую утрату мужа. Жоан Дюмон старается убежать от призраков прошлого, но не в поисках новой жизни! Она решает покончить со всем, но таинственный незнакомец спутывает все карты. Сможет ли она пережить свою боль и снова стать счастливой?

Соф Аман

Аварийный выход

Кабриолет изумрудного цвета взвизгивал на поворотах трассы А40 с каждым разом всё громче и громче. Машина стремительно отдалялась и оставляла за собой слабый шлейф столичной суеты.

Дорога от Женевы была менее оживленной. Поредевшие платаны бесконечно и уныло тянулись вдоль дороги, лишь удручая водителя. Мустанг шестьдесят седьмого года продолжал гнать без остановки. Мадмуазель Дюмон словно убежала то ли от дождя, оккупировавшего столицу Франции в начале октября 1982 года, то ли от прошлых неудач и разочарований.

Не осознавая наверняка, в какой определённый момент жизни пришла к данному решению, но сегодня Жоан почувствовала, что, только сбросившись с высоты четырех тысяч метров, она либо вновь почувствует себя живой, либо сможет обрести долгожданный покой. Окончательное решение предстояло принять по дороге к аэродрому.

Многие сочтут сей поступок за очередную актёрскую выходку мадмуазель Дюмон. В особенности те представители социума, чей интеллект на протяжении многих лет разлагался, посредством чтения третьесортных желтушных газет. Но

сегодня, ей было всё равно!

Женщине уже довелось во всех красках узнать, какого мнения о ней были журналисты, раз за разом вскрывая очередную пошлую подробность её любовных крушений. Таблоидам, в особенности, доставляло огромное удовольствие, танцевать на костях её неудавшегося брака.

Абсолютно все, кто не состоял с Жоан в близком знакомстве, описывали её как весьма вульгарную женщину, вечно жаждущую внимания толпы. Поклонники её таланта видели в ней актрису, существующую только для того, чтобы удивлять и восхищать. И последние, у кого оставалась толика здравого смысла, понимали, что все эти невероятные истории из жизни Жоан Дюмон, лишь низкопробный фарс бульварной прессы. В любом случае ничто из этого не было правдой. Мадмуазель слишком хорошо знала человеческую натуру. Понимала, что под маской добродетели всегда кроется корысть, а потому не стремилась заводить близких знакомств, так или иначе обреченных на провал. Человек слишком эгоистичен, чтобы позволить себе тратить время на чужие чувства. Жоан поняла сей факт еще в далеком детстве и не собиралась жить иначе.

Возможно каждый из нас ждет какого-то вымышленного героя, обделенного злостью и жадностью. Ангела хранителя, который протянет руку, чтобы вытащить тебя из всех канализационных нечистот. Просто кто-то продолжает ждать, а кто-то нет.

Указатель впереди заблаговременно предупредил женщину о съезде к городу Шамони через два льё. Нога машинально потянулась к тормозу, но остановилась. Не видела достаточных оснований для этого. Она решила прибавить громкость динамика, чтобы гул мотора слился в унисон с мелодией в стиле ритм-н-блюз.

Ветер беспрепятственно лохматил волосы, от чего её взгляд скользил от дороги к зеркалу заднего вида и обратно. Там, на поверхности полированного металла, можно было заметить женщину, одолеваемую невыносимой скорбью по бесполезно утраченной жизни. Конечно, всему виной был мужчина, который оставил её на волю человеческой бестактности и жалости.

Поль был удивительным человеком, совершенно непохожим на остальных. Она заметила это сразу при встрече и оттого сложила в ножны свои принципы, чтобы отдаться чувству без остатка.

Ее муж был ребенком, который не знал недостатка, но несмотря на всю жестокость мира, особенно по отношению к тем у кого не завалилось в кармане пару миллионов франков, ему удалось сохранить в себе любовь к миру. Был юношей, верившим в справедливость и даже в то, что чудесам свойственно сбываться. Страстным любовником, совершенно не признающим интрижек на стороне. Верным другом, что всегда придет на помощь. Храбрым мужчиной, играющим с Богом в кости, даже если на кону стояла его собственная жизнь.

—Mon chéri!— рвано выдохнула Жоан, едва ощутив очередной приступ паники. Подобное повторялось с тех пор, как пустая могила ее мужа опустилась глубоко под землю. Поисковая группа отчаянно пыталась найти останки, но наткнулась лишь на обломки борта.

Женщина решительно отмахнулась от тягостных воспоминаний. Время было неподходящее. За поворотом виднелся съезд к серпантину, ведущему в горы. Она была там лишь однажды с Полем, но ярко запомнила опасную трассу со множеством крутых обрывов и слепых зон. И хотя её жизнь теперь не имела особой ценности, Жоан всё еще чувствовала страх, от существующей возможности не справиться с управлением. Конечно, мадмуазель не могла позволить себе подобную слабость, если она намеревалась совершить задуманное.

Украдкой взглянув по сторонам, она чётко вписалась в поворот, даже не сбросив скорость. Едва колёса вошли в колею, Дюмон смело вдавила педаль газа в пол. Отчего мелкий щебень громко врезался в боковины Мустанга, создавая при этом симфонию настоящего кораблекрушения.

Мадмуазель отговаривала себя от этой поездки, каждый раз находя причины. Как делают все люди, переживая следующую неудачу. Мы падаем, затем встаем с колен, отряхиваемся от собственных предубеждений, делаем выводы и начинаем искать новую истину, подстраиваясь под очередные убогие мерилa жизни. Надеемся, что в этот раз они послу-

жат для нас перилами (хотя и не особо чистыми), но способными удерживать равновесие на этой выщербленной лестнице. Парадоксальность человеческого бытия заключается в самом этом процессе. Все учат нас балансировать над пропастью, правильно принимать поражение и начинать все с чистого листа. Вот только никто не рассказывает от том, что делать при отсутствии желания вставать на эту скользкую дорожку, заранее обреченную на провал.

Мадмуазель сознавала, что эти препятствия и есть сама жизнь. И лишь сегодняшней ночью, переполненной огней, сгорающих также быстро как и люди, она поняла как сильно устала. Сон прошел. Жоан больше не искала предлогов. Она покинула их с Полем парижскую квартиру, успев накинуть его каштановое пальто, чтобы не замерзнуть в одном дезабилье. Взяла лишь ключи от машины и уехала. Возможно она не закрыла входную дверь, но особо не печалилась. Пусть забирают все, она ничего не потеряет, ведь у Жоан ничего нет.

Сейчас она, сгорая от нетерпения, направлялась в сторону частного аэродрома имени какого-то безызвестного ей летчика. Если агрессивный стиль вождения был вполне оправдан её внутренним состоянием, то он, определенно, шел вразрез с открывающимся пейзажем. Пушистые облака неспешно обволакивали горные хребты, заключая те в объятия. Изумрудные луга, на которых сонно паслись коровы, даже не собирались терять краску. Кроны лесных массивов нежно покачивались, придавая умиротворяющее спо-

койствие всей картине.

После чахлой парижской осени, после её больных ночей, эти красочные полотна, запах мокрой травы и опавших листьев пьянили быстрее любого коньяка. В этом году осень выдалась чересчур напористой, но здесь солнце еще позволяло погреться под своими лучами. Впервые за долгое время на устах Жоан показалась улыбка. Она порадовалась возможности урвать последние моменты тепла. Мадмуазель с детства была крайне чувствительна к холоду. Может потому в Париже Жоан испытывала невыносимую стагнацию и необъяснимое чувство опустошенности. Бесконечная серость бытия, совершенно унылая, чтобы хотеть жить, но абсолютно пресная, чтобы жаждать смерти.

Еще в детстве, чтобы хоть как-то скрасить своё существование, Жоан сочиняла различные истории о волшебниках и магических существах. Одной чересчур холодной зимой, когда брак ее родителей трещал по швам, Жоан представила самого приспешника сатаны, накрывающего людей куполом. Ограждая все человечество от тепла, буйства красок и чувств. «Он там, – думала она. – Сидит наверху, смотрит и ухмыляется. Следит, чтобы всем воздуха не хватало, чтобы скрючившись головы не поднимали, пока наверху правосудие твориться».

Да, её душа совсем поистрепалась за чередой: вопросов от надоедливых журналюг; любовных разочарований как в жизни, так и под светом софитов; съемок в картинах режис-

сёров сексистов или того хуже, капиталистов. Именно в таком состоянии Жоан оказалась на перепутье жизненных дорог, когда у неё не было желания отрицать своё жалкое существование, и не было сил влачить за собой отчетливую тень разочарования.

Лишившись всякой возможности на земное счастье, Жоан считала, что Агнец Божий задолжал ей немало. Хотя бы уютное местечко под вечно ясным небом, в тени садов, где гогочут райские птицы. «Она заслужила. Сегодня всё будет иначе!» – решила Жоан.

Совсем скоро мадмуазель Дюмон попробует выбраться за пределы этого замкнутого круга. Она сядет в самолет и поднимется ввысь в поисках земли обетованной.

Женщина посмотрела на секундную стрелку, убедиться, не глумится ли кто над ней, подкручивая назад шестеренки. Но нет! Никто так не спешил, как главная героиня этой истории. Иронично, но только после смерти мужа, жизнь не стремилась украсть у неё время, а наоборот, предлагала в полной мере ощутить всю вязкость одиночества.

За очередным поворотом показался аэродром. Плавно прищпорив форд на смотровой площадке, мадмуазель с блаженным вздохом сняла туфли. Она открыла дверь, уже предвкушая холодную влагу земли. Жоан решила пройтись, размять кости. Её взору предстали массивные рельефы вытянутой формы, простиравшиеся вдоль горизонта на сотни километров.

Одинокий утонченный силуэт в бесформенном пальто отчаянно всматривался в пейзаж, словно старался найти что-то или кого-то. Однако у подножия Монблана она ничего не нашла и не почувствовала. Кроме едва уловимого аромата Лаки Страйк. Рука сама вытащила сигареты из пальто. Мадмуазель даже не заметила, как в горле начало саднить.

Сознание заставляло снова и снова прокручивать совместные мгновения, проведенные с мужем. Словно то был трогательный фильм, способный завести её биоритмы.

Кроме обиды и злости, она чувствовала страх, от осознания того, что такова будет вся ее жизнь впредь. Ни грамма Поля. Человека, врезавшегося в ее жизнь окончательно и бесповоротно. Возможно в этой жизни ей никогда не удастся сбежать от череды воспоминаний.

«Удивительно, – размышляла Жоан. – Как все то, что дорого человеческому сердцу, может стать чужим и далеким, словно этого никогда и не было. Будто вся наша жизнь – есть плод большого воображения».

Горло все ещё саднило в такт сердцу. Мадмуазель бросала нервные взгляды в сторону аэродрома. Чувствовала, как нечто неподдающееся описанию рвётся наружу. Это мог быть всего лишь жгучий интерес, связанный с возможностью разделить сладостно-адреналиновую агонию, которой предаются легчики, совершая свои воздушные эскапады. Или, то был голос души, столько лет искавшей свободу и, в свою очередь, боявшейся потерять ее.

Жоан предвкушала: как ступит на трап самолета; как разгорится пламя в утробе, чуть только шасси оторвётся от земли и экипаж начнёт набирать высоту; как испустит вздох облегчения, когда увидит в иллюминаторе незначительные горы; как ветер начнёт хлестать по губам, при открытии аварийного выхода; наконец, как померкнет весь этот мир, стоит ей переступить за борт корабля.

Одинокая и брошенная женщина стояла на смотровой площадке у подножия Монблана и в блаженной истоме ожидала своей скорейшей смерти.

Наша героиня могла бы еще долго прогуливаться по кладбищу воспоминаний. Жалеть себя, что очень свойственно человеку в моменты отчаяния. Не пренебрегая, конечно же, сетованием на жизнь и превратности судьбы. Она бы с великой охотой сделала все вышеперечисленное, если бы блаженная тишина не была нарушена оглушительным ревом.

Повернув голову в сторону дороги, по которой сама добралась, Жоан заметила вдалеке у подножия склона объект, стремительно приближающийся к смотровой.

Мадмуазель Дюмон ничуть не удивилась мотоциклу, который показался за следующим поворотом. Этот маршрут был популярен среди туристов всех социальных слоев. Элита могла насладиться курортными условиями в частных поселках коттеджного типа. Менее привилегированное общество довольствовалось пешими и конными прогулками, подчеркивая свою исключительную независимость от денег. Ко

всему прочему, частный аэродром не испытывал нужды в заказчиках. Поэтому ездок мог вполне оказаться богатым наследником, изъявившим желание прокатиться до побережья Коста Бравы или наемным пилотом, который обслужит одного господина.

Чего Жоан точно не ожидала, так это того, что колеса Дукати свернут с маршрута и припаркуются рядом с Мустангом.

Будучи женщиной, она втайне надеялась, что подобный выпад мог свидетельствовать о заинтересованности со стороны мужчины. Прежде всего, к ее не лишённому привлекательности профилю. Трудно сознавать, что ты превратилась в сумасшедшую старуху.

Жоан внимательно следила за его действиями. Мужчина же медленно окинул взором автомобиль, а затем уставился на неё. Ситуация была причудливой, этот человек мог вполне утолить свой интерес и умчаться выше по склону, но он замер.

Ей показалось, что сквозь тусклое стекло она видела интерес, но то могло быть беспочвенным предположением. В своем возрасте, она предпочитала остаться в неведении, чем знать наверняка. Нет ничего криминального в том, чтобы наслаждаться собственными иллюзиями.

Высокий стройный мужчина грациозно перемахнул через седло, не отводя взгляд от таинственной незнакомки. И также элегантно наклонил голову к рукам, чтобы снять един-

ственную преграду.

Женщину ее калибра невозможно было застать врасплох. Жоан и в этой ситуации ничуть не поменялась в лице при виде молодого юноши. На вид ему было не больше двадцати, но и этого было достаточно, чтобы разочароваться. Она знавала в Париже своих сверстниц, чья компания ввиду моды, разбавлялась подобными светловолосыми и светлоглазыми юнцами. Лично Жоан относилась к этому снисходительно, исключительно потому, что считала данное явление китчем. Подобной безвкусицы она себе не позволяла и считала, что юнцам, у которых молоко на губах не обсохло, нечего делать в компании женщин, пахнущих виски.

Он, должно быть рассчитывал на аплодисменты или как минимум на восхищение, по окончании фееричного шоу, учитывая резкую перемену в лице. Молчание продолжалось. Она начала терять интерес к этому знакомству. А он, напротив, действовал весьма решительно, обойдя вокруг ее автомобиль, не забыв посмотреть номерные знаки.

Однако парня ждала очередная неудача, ни один мускул на лице Жоан не дрогнул. Молодой человек скорее всего владел скудным запасом уловок, чтобы вызвать даму на разговор. Отчего по-хозяйски уселся на капот мустанга и заговорил по-французски с протяжным итальянским акцентом:

– Травишься, – спросил он, изогнув правую бровь.

Жоан растерялась от такого нахального поведения юноши, но не обиделась. Девиантность женской природы. Обыч-

но мужчинам, лишенных достоинств, они не прощают ровным счетом ничего и с большим удовольствием меняют свои моральные ориентиры, чуть завидев на горизонте смазливое личико и заслышав низкий баритон.

Мадмуазель Дюмон никогда не строила из себя личность исключительную, и поэтому без зазрения совести поддалась очарованию юноши. Природа щедро наградила молодого человека, стоявшего перед Жоан.

– Ты что отравиться решила? – спросил юноша, указывая на предмет в руке.

Жоан посмотрела на свою сигарету с удивлением, а затем рассмеялась.

– Стараюсь, – выдохнула она.

– Тьфу ты, а чего хуже не могла найти?

Она потупилась и сказала первое, что пришло в голову.

– Настоящую любовь, к примеру.

Молодой человек цокнул и возмущенно поднял руки к небу.

– Да какая же это отравка?

– Для женщины пятого десятка нет страшнее яда, чем привязанность, обеспечивающая ей настоящую каталепсию чувств.

Он явно не был доволен таким ответом. Печально вздохнул, а затем встал с капота и двинулся к мотоциклу. Юноша взял в руки сумку, громко перебирая содержимое.

Сигарета тлела, Жоан осмотрела стоянку в поисках мусор-

ного бака, который был за спиной. Женщина повернулась, услышав знакомый звон. Парень уже успел приблизиться к ней, прихватив две бутылки с неопознанной жидкостью. Одну он протянул мадмуазель.

– Мда уж, ничего не скажешь. Прав отец: женщинам много думать не полезно. У тебя дети то есть?

Жоан отрицательно помотала головой.

– А хочешь, – спросил он, потряхивая бутылкой перед ней.

Мадмуазель сама толком не понимала, что конкретно оскорбило ее. Может это был слишком личный вопрос, который напоминал о смерти Поля. Не исключено, что сам напор молодого человека вызвал подобное раздражение. Она его совсем не знала, чтобы выложить все карты на стол.

– Да, кто вы вообще такой, позвольте узнать? – перешла на неформальный тон Жоан.

Юноша, ни на йоту не изменившийся в лице, ответил:

– Жером, – промолвил он таким тоном, будто вел светскую беседу. – Молока хочешь?

Жоан посмотрела на бутылку, а потом на Жерома, пытаясь распознать насмешку. Однако во взгляде юноши не было ничего примечательного. Его беззаботная улыбка была такой приглашающей, что женщина не смогла устоять.

Мадмуазель Дюмон взяла бутылку из рук юноши и немного пригубила козьего молока. Еще теплый напиток скользнул по гортани и устремился в пустой желудок. Ей вспомнились

лекции в Сорбонне по истории Древней Греции, а точнее легенда, согласно которой младенец Зевс был выкормлен козой Амалфея. «Может эта субстанция сделает меня неуязвимой ко всем мушкетам любви?» – пришло на ум женщине.

– Вкусно? – поинтересовался Жером.

Жоан ничего не ответила и только кивнула, продолжая поглядывать на аэродром. Как странно, что именно сейчас она начала вспоминать незначительные моменты из прошлого, которые настолько хорошо описывали ее личную драму, что вызывали невольные приступы смеха. В начале своей актерской карьеры ей довелось исполнить роль в картине, раскрывающей драму одной писательницы, чья тяга к самоубийству была настолько сильна, что она не побрезговала украсть самолет. Правда, когда корабль потерпел крушение в Южной Африке, она вдруг осознала, что хочет жить.

«Единственный химический дефект человеческого бытия – это сантименты!» – усмехнулась про себя Жоан, вспомнив слова режиссёра.

Потерявшись во времени, она поняла, что Жером продолжает внимательно изучать ее лицо и поспешила отбиться вопросом:

– Как Вы тут оказались?

– Ясно как днем, что ты меня наняла, – рассмеялся молодой человек. – Я ещё подумал, ну какая сумасшедшая полезет в горы сигать с самолета. Скажу прямо, при виде тебя я засомневался, но после нашего разговора понял, что ты до-

статочно чудаковатая для сей авантюры. Умеешь ты мужиков в оборот брать. Это врожденный талант?

– Высеченный жизнью, – сдержано ответила Жоан, закуривая следующую сигарету. Наверно сейчас она выглядела слишком жалкой, что даже Жером перестал улыбаться.

– Звучит фигово, – воскликнул он, поглядывая на свои черные ботинки.

– Как и чувствуется.

– Глупая ты! – просто резюмировал Жером.

Мадмуазель Дюмон подумала, что этот нахальный мальчишка ей определенно нравился. Он не пытался ей угодить, не старался соблюдать правила приличия, обращаясь только на «Ты». Возможно, это была наилучшая тактика. Жером наверняка считал, что привилегия его молодого возраста позволяла изъясняться ему прямо и без прикрас. Зачем церемониться? Чего ради?

– Я? – женщина выдохнула клубок дыма, который тотчас рассеялся в безудержном потоке ветра. – Почему?

Жером повернул к ней голову и посмотрел на нее как на новорожденную.

– Потому что радоваться нужно, – воскликнул юноша. – Жить, понимаешь? Вот тут, где трава, молоко, горы, а не прятаться в голове своей. Там ты точно ничего не найдёшь!

– Вы не сможете меня понять, мы слишком разные.

– Разумеется, я ведь итальянец, – прыснул Жером, отводя взгляд васильковых глаз.

– Вы молоды.

– И в чем проблема? Старость хранит возможности не меньше, чем молодость, но в других одеждах.

Такова была действительность для Жерома Росси. Он вырос в простом мире, где все достается прямо пропорционально тому, что ты делаешь. Родился в провинции Южный Тироль на севере Италии и никогда не стремился к роскоши и богатству. Не воспринимал себя слишком серьезно, не травил себя будущим. Знал и умел необходимое: как испечь хлеб, следить за пастбищем и пилотировать судно. Этого было довольно. Как-никак, люди сами распоряжаются временем, которое отведено им. Сами устанавливают границы и сами же желают пересечь их. Жить и действовать, невзирая на чужое мнение – вот в чем был его оптимизм.

Глава семьи Росси, воспитавший пять голодных ртов, всегда учил жить по законам совести. Хоть мать и оставила их после рождения брата Жерома, отец никогда не отзывался о ней плохо, даже будучи в алкогольном забытии. Он говорил, что мать была любовью всей его жизни. Красавица, имеющая единственный изъян – пытливый ум, который и привел ее к поискам истинного счастья. Прозвучит глупо, но Жером никогда не винил мать в своих несчастьях. Просто он раз и навсегда уяснил, что женщине вредят думы, особенно если они сердечные.

Жоан не была для него загадкой. Она смутно напоминала птицу, свалившуюся с неба романтических иллюзий в суро-

вую пучину реализма, рационализма и цинизма.

На горизонте показался красный пикап Бруно, второго пилота. Он неспешно поднимался в горку, при этом сообщая товарищу о своем появлении в виде трехкратного гудка. Жером и Жоан наблюдали как подъезжает старенький автомобиль.

Второй пилот остановился параллельно дороге. Он отжал сцепление, но мотор глушить не стал. Стекло с раздражающим скрипом начало опускаться. Из щели выглянуло улыбающееся лицо коренастого старика. Удивительно, что череп вообще протиснулся в это отверстие.

Он окинул взглядом Жоан и Жерома, а затем громко прокричал:

– Так, детишки, все в сборе?

– Да, старина, – ответил юноша, приветствуя товарища рукой. – Уже идем!

– Хорошо, только без рук молодой человек! – сострил мужчина и простодушно рассмеялся собственной шутке.

Бруно запоздало махнул рукой в ответ, переключил передачу и покатил машину в сторону ангара.

«Неплохая компания собралась здесь: старая гусыня, мальчишка и безумец. Поистине мы образуем курьезнейшее трио!» – подумала мадмуазель Дюмон.

Жером лишь улыбнулся и покачал головой. «Этого старика и могила не исправит», – мысленно резюмировал юноша.

Они еще какое-то время стояли у подножия Монблана и

смотрели высоко в небо на парящих птиц.

– Ладно, – отчеканил Жером. – Заканчивай отравлять свой организм. Пойдем, я тебе здесь все покажу, – юноша нежно вложил ее ладонь в свою. Мадмуазель Дюмон простила эту шалость и последовала за ним в сторону аэродрома.

Он был очень похож на молодого Поля: один рост в шесть с половиной футов, рыжие волосы, веснушки на загорелой коже. Только Полю было бы уже пятьдесят. Тем не менее, все эти внешние признаки не имели особого веса. Именно безмятежность была присуща обоим, и она же побуждала окружающий сбрасывать старую кожу. С такими мужчинами можно было вечно наслаждаться легкостью бытия.

Жоан время от времени надеялась, что Поль жив, раз тело не было обнаружено спасателями. Встреча с Жеромом лишь распалила ее фантазию. Теперь она предполагала, что муж после кораблекрушения: попал в больницу, где ему сделали пересадку кожи; потерял память и забыл всю прошлую жизнь; выписался из больницы и начал с нуля, раз никто не искал.

Безусловно, женщина обманывала себя. Жила как покорное животное, которое разлучили с другом. Ей следовало остановиться, отнять руку, сесть в самолет и в нужный момент не раскрыть парашют. Впрочем, представлять Поля живым было намного приятнее и безопаснее.

– На горных аэродромах техника взлёта и посадки отличается от стандартной. Слева располагаются несколько летных

полос, рулежная дорожка, перрон. По всей территории есть места стоянки самолетов, площадки специального назначения. Прямо перед тобой ангар, где храним парашюты, занимаемся техническим обслуживанием самолетов, ну и просто весело проводим время.

Жером с живейшим интересом рассказывал о своем мире, при том старался не смущать даму обилием сложных терминов. Молодой человек так сильно пытался все доходчиво объяснить, что в иные моменты подбирал совершенно абсурдные и нелепые синонимы. Жоан надеялась, что он не замечает ее веселья. Он же действовал намеренно.

В данном вопросе мадмуазель не уступала юноше, учитывая как много они с Полем разговаривали об авиации и парашютизме.

Они прошли вглубь ангара, чья боковая стена была увешана разнообразными тканями. Количество цветов, форм и размеров поражали воображение. Они словно очутились на площади Джема-эль-Фна в Марракеше.

Жером снял кожаную куртку и небрежно кинул ее на большой ящик. Он любезно поинтересовался, стоит ли дополнить свой инструктаж краткой исторической справкой. Она молча согласилась, его голос успокаивал женщину.

– Изначально парашюты предназначались для десантирования с воздуха, выполнения военных миссий, спецопераций по спасению и прочее. Помимо десантных существуют также грузовые, стабилизирующие и тормозные. Лично

ты возьмёшь Д-1 5-У, – пояснил Жером, указывая на самое красное полотно, висевшее на стене среди сотен других.

– Что означают буквы «Д» и «У»?

– Десантно-учебный.

– А он надёжный? – спросила мадмуазель, надеясь услышать отрицательный ответ, но получила нечто неоднозначное.

– Как акции на Уолл-Стрите, если понимаешь, о чем я говорю, – с задором рассмеялся Жером.

В этот раз Жоан не стала скрывать свои истинные чувства и подхватила оживленный гогот. Тем не менее перед мадмуазель стояла сложная дилемма. Она все никак не могла решить: оставаться отрешенной или внимать словам, поглощая информацию с запредельной скоростью, чтобы выжить там, наверху. Сама она никогда не прыгала с парашютом, а только слышала восторженные речи Поля.

То, о чем рассказывал юноша, было опытом сотни тысяч других парашютистов. Опытом, собранным воедино. И все, что теоретически могло произойти в небе, уже с кем-то случалось ранее. Даже если что-то пойдет не так, у тебя будет руководство к действию.

«Вот так бы и в жизни! – безмолвно воскликнула Жоан, перебирая пальцами подкладку карманов. – Прожил жизнь, записал и сохранил для следующего поколения. Опубликовали бы посмертно в качестве пособия в кожаном переплете. Прочитал и все понял: без печалей и сожалений».

Жером подвёл её к Д-1 5-У и начал показывать какие-то конструктивные щели, имеющие форму треугольных вырезов, а также стропы, позволяющие маневрировать куполом. Затем провел краткий экскурс:

– Ты почувствуешь резкое натяжение. Это будет означать, что парашют раскрылся и начал наполняться воздухом, – пояснил молодой человек. —Купол Д-1 5-У в рабочем состоянии, то есть наполненный воздушным потоком, похож на белую полусферу.

– А если запутаются стропы?

Юноша удивительно воззрился на нее.

– Маловероятно, ведь я же буду с тобой. Даже если и так, то я просто схвачу правый и левый концы, чтобы максимально близко прижать их друг к другу.

«Интересные параллели, Жером. Ну почему ты не появился раньше, когда мои стропы запутались? Когда ещё была возможность оттянуть конец моего существования. Распутать все проблемы, до того как я успела рухнуть вниз!» – размышляла Жоан, смотря сейчас на мужчину, а не на того юношу верхом на Дукати.

– Ты чего застыла? – позвал ее Жером, махая рукой прямо перед ее носом.

– Ничего... я намерена прыгнуть сама!

«Неужели эта дамочка собирается испустить дух», – обеспокоился молодой человек.

– Не в мою смену. Я прежде всего мужчина, а такой не

позволит даме в одиночку сигать с высоты четырех тысяч метров?

Что тут можно было противопоставить. Абсолютно бессмысленно отговаривать мужчину быть героем, еще бессмысленнее уговаривать стать им. Голубые глаза Жерома были лишены корысти и сомнения. Намного раньше, другой мужчина смотрел на нее также.

Ей стало холодно. Мадмуазель сильнее укуталась в пальто мужа, почувствовав слабый шлейф его парфюма. Под мраморной кожей все еще билось сердце, сопровождая каждый удар спазмами в грудной клетке. Признаваться в своей неправоте всегда больно.

Жером опустил ее ниже, чтобы заглянуть в ее карие глаза:

– И он ушёл?

– Почему Вы пришли к такому выводу? – спросила Жоан в панике. — Неужели мой вид был настолько печален, что разбудил жалость в Вашем сердце?

Мадмуазель Дюмон никогда не причисляла себя к женщинам, рожденным ходить с драмой Фромантена на физиономии. Таковые, как правило, несли бремя человеческого бытия с непревзойдённой и утонченной элегантностью. Словно они были созданы для подобных чувств. Улыбка лишь уродовала эти лица: некрасиво приподнимая наполовину опавшие веки, вечно устремленные вниз из-за пролитых слез; задавая уголкам губ неестественную для них форму; и, конечно же, пустой взгляд, такой прозрачный и напрочь лишен-

ный искры, при контакте с которым хочется лишь повеситься.

– Он умер, разбившись на самолете, – наконец произнесла женщина.

В воздухе повисла оглушительная тишина. Жером на мгновение растерялся, не зная как правильно поступить. Однако правой рукой приобнял Жоан, которая покачивалась, словно мертвые ветки дерева.

Мир не разрушится и земля не уйдет из-под ног, если мы будем чуточку внимательны к чужой боли.

Мадмуазель убрала прядь каштановых волос, прилипших к мокрому лицу, и посмотрела на мужчину. В его бездонном взгляде бурлила самая настоящая жизнь. Крепкое тело Жерома дарило ощущение защищенности, а тепло его кровотока зарождало веру в завтрашний день. «Ничего так не сближает двух существ, как чужбина и любовное крушение», – подумала Жоан.

– Взлёт, одеваться! – неожиданно скомандовал Бруно.

Услышав команду, Жером медленно поднял мадмуазель и, убедившись что ее ноги достаточно окрепли, направился с ней вглубь ангара, чтобы отыскать подходящее снаряжение.

Пришла Жоан в себя только стоя перед зеркалом. На удивление костюм пришелся ей по душе. Облегающая ткань цвета охры подчеркивала янтарный цвет глаз. Эластичные вставки на спине, груди и боках вырисовывали изящный силуэт. Задняя часть штанин, наколенники и низ рукавов были

выполнены из кордуры. За счёт эластика комбинезон сидел ровно, совершенно не стесняя, а может и наоборот, распаяя движения мадмуазель. Ей показалось, что она словно скинула метры старой, унылой и печальной кожи.

Когда женщина вышла из раздевалки, Жером ожидал ее с оставшимся снаряжением. Приблизившись к нему вплотную, она вкусила аромат сандалового дерева. Мужчина аккуратно, чтобы не бередить кровоточащие раны ее души, накинул на плечи подвесную систему, которая должна была закрепиться на теле в трёх точках, с помощью специальных пряжек и карабинов. Она уже готова была взлететь, как вдруг вопрос, который не ожидает услышать любая другая женщина, спустил ее на землю:

– Вы успели загадать желание?

– Простите?

– Есть такое поверие, что когда падает небесное тело, нужно загадывать желание. Не велика вероятность, что оно сбудется, но надежда всегда есть.

– Знаете, я больше не загадываю желаний. Именно потому, что не знаю какую цену мне придется заплатить.

Впрочем, Жоан не особо вникала в суть вопроса. Она чувствовала, как мужская рука придерживает ее за талию. Как волна электрических импульсов разлеталась по всему телу. Это прекрасное чувство первого прикосновения чужих рук. Желанное вторжение за пределы допустимого, которому мы, чаще всего, сопротивляемся. Однако тяга от этого не слабе-

ет ни на йоту. Ни за что не верьте тем, кто утверждает, что дружба между мужчиной и женщиной возможна. Два противоположных полюса магнита всегда найдут способ притянуться, даже если желание будет явно выражено одной стороной.

Жером проверил надежность креплений, дернув те резко вниз. Убедившись, что все в порядке, они направились к самолёту. Бруно уже сидел в кабине пилота, проверял исправность систем. Жоан ступила на борт и заняла место пассажира. Жером, который следовал за ней, в данную минуту проверял герметичность аварийного выхода.

Еще в прошлом, Поль утверждал, что взлёт можно считать одним из самых сложных и опасных этапов. Попросту могли отказать двигатели, работающие в условиях максимальной тепловой и механической напряженности. Даже такой риск не смог поколебать решимость Жоан. Она давно играла с жизнью и всегда ставила на кон все, что у нее было.

Послышался рёв двигателя, подавляющий все остальные звуки. Пассажиры почувствовали слабый толчок. Судно откатилось назад. Жером молча застегнул ремни безопасности на плечах женщины и устремился в кабину, занять свое место первого пилота.

В стекле иллюминатора, мадмуазель Дюмон увидела, как самолет выезжает со стоянки. Асфальтированный участок был ухабистым и на каждой яме приходилось цепляться за сиденье, чтобы весь позвоночник не развалился. Возраст не

покидал ее ни на миг.

Жером проворно развернул судно и они устремились напрямиком на взлетную полосу. Он дал сорок процентов тяги на несколько секунд и, лишь убедившись в стабильной работе двигателей, установил взлётный режим. Для разгона обычно используют именно этот, так как он характеризуется максимальным значением механических и тепловых нагрузок на двигатель, отчего его применение строго лимитировано. Роль штурмана взял на себя Бруно, рассчитав расстояние и скорость взлета.

Жоан была крайне возбуждена предстоящим приключением. Она смотрела наружу и удивлялась новому ощущению безразличия к своему прошлому. Настоящий экстаз, дарующий полное покаянное души, лучше чем выпивка или транквилизаторы.

Двигаясь по взлетной полосе, Жером выпустил закрылки и предкрылки в расчётное положение, что, в свою очередь, уменьшало длину разбега и позволяло оторваться от полосы на меньшей скорости.

Как только все формальности были соблюдены, Бруно подал условный знак товарищу и тот отпустил тормоза, дав самолёту беспрепятственно набрать скорость. Судно, прежде такое неповоротливое и медлительное, казалось совершенно иным из-за набранного темпа. Низ живота Жоан обдало жаром, тело затряслось на кочках, а на лице красовалась улыбка.

Во время разбега главная задача пилота состояла в том, чтобы держать борт строго вдоль оси ВПП, предотвращая возможное поперечное смещение.

После того, как корабль набрал скорость, пилот плавно потянул штурвал на себя, увеличивая угол. Нос самолёта приподнялся, а затем и весь оторвался от земли. Двое мужчин пребывали в абсолютном покое, полностью умиротворенные и довольные собой. Женщине впервые за долгое время было хорошо. Момент, когда в жизни не остается ничего важного. Минута, когда ты обретаешь божественное спокойствие и тишину. Словно понимаешь, что все случившееся с тобой до этого момента – ничто.

Жоан пребывала в приподнятом настроении. Уголки ее большого рта поползли вверх, глаза искрились под светом иллюминатора, а волосы, убранные под шлем, торчали в разные стороны. Со стороны казалось, что она постигла какой-то величайший секрет. Увы! Мадмуазель всего лишь вспомнила правду – она женщина, которая жаждет любви без масок и заученных фраз.

Самолет возвышался: земля, дороги и дома приобретали микроскопический вид. Женщина равнодушно смотрела на землю, прежде казавшуюся ей такой отвратной.

Она совершенно потеряла счет времени, а Жером уже успел набрать высоту и передать штурвал Бруно.

– Ты готова нырнуть в новую жизнь? – спросил мужчина, предлагая руку. – Пути назад нет, только вперед!

И она вручила этому светловолосому Гавриилу свою дальнейшую судьбу.

«Ровно минута – шестьдесят секунд до полного ощущения пустоты под ногами. Шестьдесят тысяч миллисекунд смертельного одиночества», – подумала Жоан.

Жером открыл дверь. Раздался оглушительный вопль небесных ангелов, наблюдавших за всеми безумствами Турболета Л-410. Делая шаги к выходу, Жоан почувствовала резкий запах металла. Кровь хлынула в голову, одурманивая сознание. Сердце колотилось, разум не успевал за чувствами. Она и сама не верила в происходящее. Очередной приступ малодушия не заставил себя долго ждать. И снова ей привиделся Поль, почти безжалостный, в своей постоянной манере беззаботно улыбаться. Его образ точь-в-точь повторял тот, что был на пятой авеню. Черный честерфилд с бархатным воротником и короткими накрахмаленными лацканами. Родной кусок материи, под которым она некогда укрывалась от ударов судьбы. «Он больше не поймает меня», – подумала женщина. Слезы застряли в глазах, дрожащие руки безуспешно пытались стереть их. Наверное, в тот вечер она поняла, что окончательно была больна им. Человеком, с которым не суждено быть вместе по всем законам реальности. И будь проклят тот, кто пишет эти законы! Будь проклят тот, кто превращает такие прекрасные души в безжизненных прагматиков и скептиков, не способных больше любить и впоследствии отвергая всякую возможность на сча-

стье!

Жером попытался встряхнуть ее, чтобы привести в чувства. Выйдя из транса, она ощутила теплые руки на своих плечах и взгляд нежно-голубых глаз, напоминающих заветный источник оазиса. После всех неудач, мадмуазель Дюмон нашла ангела-хранителя, который был ниспослан за ее страдания.

Второй пилот принялся кружить вокруг последнего останочного пункта. Бруно в резкой форме скомандовал:

– Живо наружу! – кричал он. – Это последний шанс!

Юноша осторожно отпрянул, чтобы закрепить последний карабин, который свяжет ее жизнь с его, возможно навсегда.

– Нам пора!

– Но буду ли я там счастлива? – дрогнув спросила Жоан.

– Отчаянные поиски счастья также абсурдны и болезненны как танец на острие бритвы.

Взявшись за руки, они пересекли рубеж прошлой и настоящей жизни, прежде совершенно непроступный.